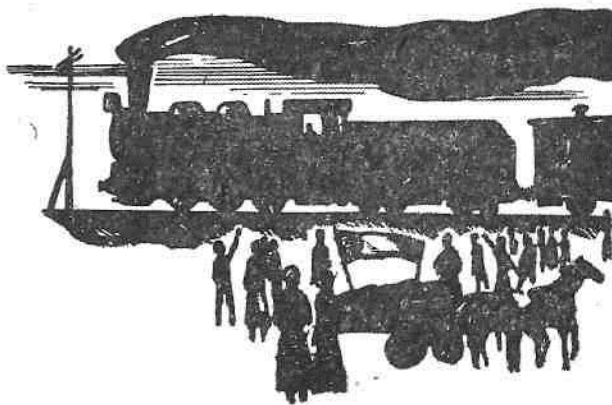

КСЕНИЯ ПРОНСКАЯ

ХОДОКИ

Из документальной повести

Ветер свистит в ушах. Мчится в атаку конница сквозь предрассветный туман — с востока на запад, мчится навстречу врагу, Короткий бой. Горячая боль в голове. И грянул на землю Лопатин. Тишина. Предсмертный лошадиный храп. Чей-то зов, знакомый, тревожный:

— Вставай, друже, вставай!

Павел видит пушистую папаху — огромная — она заслонила кровавое солнце. Понял Лопатин: то склонился над ним командир, понял и закричал обрадованно:

— Ты живой, Фома!?

Кричит, а голоса своего не слышит; хочет руку поднять — рука не движется. Командир качает головой и ворсины на папaxe его, точно золотые лучики светятся...

Проснулся Павел, и не хочется глаза открывать, с другом расстаться жаль. Оставила контузия Лопатину тяжелый след, по ночам его часто будила головная боль.

По дороге загрохотала телега. Послышался свист, Павел насторожился, готовый вскочить, Но все стихло. На Ставрополье еще разбойничали остатки белогвардейских банд—в городе самоохрана, по ночам улицы патрулировались. Лопатин был начальником штаба Воробьевского района.

Дом Лопатиных на самом краю города, чуть поодаль — караулка. Тут

кончалась булыжная мостовая, и начиналась дорога на Невинномысск. Кругом лес. Дом этот купил отец зимой девятьсот седьмого года, сразу после разгрома комитета РСДРП, Здесь безопаснее. Надеялся, наверное, восстановить подполье «Батя». Павел не вернулся под отчий кров после побега из тюрьмы, не знал, что происходило здесь. Без него и умер «Батя», возможно, именно в тот день, когда пришла весть об аресте Екатеринодарского комитета, преданного тем же человеком, по доносу которого провалился Ставропольский комитет. Умер отец скоропостижно, не вынесло сердце второго удара. Недолго пережила его и мать. Брат Борис погиб в гражданскую. Сестра Нина с семьей переехала в Новороссийск и достался дом Павлу.

В темноте обозначились окна, рождалось октябрьское утро. Чтоб не разбудить жену, Павел осторожно поднялся, и, перешагнув скрипучую половицу, прошел в соседнюю комнату, окнами в лес. Здесь он по ночам писал статьи в газету — другого времени не было. И сон его, как бы в руку вышел: обещал редактору написать воспоминания о Фоме Шпаке; близилась первая годовщина освобождения города от белых.

Ему хотелось написать не только о боях, но и о героях отряда Фомы Шпака и о нем самом, незабвенном друге. Не прельстился на офицерские чины и привилегии, бросил фронт империалистической войны, встал на защиту Советской власти полный

георгиевский кавалер. На свою беду учили его царские генералы военному искусству.

Вспомнилось, как он, Павел, был привезен в Ставрополь — полуглухой, полуслепой. Отлежался к лету, набирал уже силы, когда навел на него Шпак. В город примчался он со своим отрядом с фронта. Подавил офицерское восстание. Напряженье росло. Ставрополь окружали белые. Договорились тогда, на всякий случай, друзья о пароле, явках.

Вскоре враг захватил город.

Ветренный, жаркий день. Клубится пыль по улицам. Мчатся вместе с мусором листовки — желтые, зловещие; ищут листовки предателя: атаман Шкуро обещал столько золота, сколько весит Фомы Шпака голова... Сжимает Павел в руках листовку, шагает, будто не торопясь, поглядывает по сторонам. Томит жара, но он не расстегивает ворот красной косоворотки, не снимает с головы красной фески с кисточкой — примета для связного... Тогда успел он передать в отряд важные сведения, но скрыться не успел. Арестовали. В тюрьме узнал: не отбили город красные. Отступили.

Разные ходили слухи о гибели Шпака: может, и, верно, шальная пуля? А может, нашелся в отряде иуда?

«Эх, Фома, Фома, золотая твоя полова!»

Начатая в ту ночь статья осталась незаконченной. Другие дела и события захватили Лопатина. Работник лесничества по должности, он успел много сделать и в общественной жизни города.

То была пора разрухи, первых субботников и продрозверстки, пора кулацкого саботажа, убийства красных активистов и покушения на рабоче-крестьянское единство. Ползла по селам, сея недоверие и озлобленность, черная молва: «Теперь у власти рабочий класс, и будет он вместо царя на крестьян давить; и голод в центре оттого, что там «коммуния» и никто ничего делать не хочет, потому ни спичек тебе, ни ситца

нет; все лодырничают и лишь пайка требуют!»

Лопатин, председатель комсода, знал: все труднее становится выполнять план продрозверстки. И вот губком партии решил: пусть едет в Москву крестьянская делегация, пусть своими глазами убедится, как столица живет. Готовилась крестьянская делегация и с нею двое от рабочих Ставрополя — Евдокия Панина и Павел Лопатин.

Но не с пустыми же руками отправляться в путь! Газеты разносили весть о «Неделе пожертвований голодающим детям Севера». Собирались целый поезд.

После лихорадочной подготовки началась эта неожиданная, удивительная поездка необычными проводами, что продолжались целый день, пока ехали по земле ставропольской — грузили на станциях в вагоны муку, крупу, разные соленья и фруктовую сушку; масло, сухари и варенье, а где и сразу цепляли груженный вагон. Частые долгие стоянки. Праздничное многолюдье. И красовались делегаты в проеме раскрытой теплушки, точно напоказ: справа от Лопатина Громаков, как и Павел, еще не снявший шинели; слева старик Черкашин — высокий, грузный, борода от уха до уха. Он то и дело вытирал пестрым платком лысину, но не спускал с плеч длиннополого армяка. Рядом с Черкашиным щуплый, с включенной бородкой и сивыми усами, Михайлов казался маленьким. Женщины-делегатки, как две пугливые птицы, забились на верхние нары и только высовывали головы в окошко — русоволосая, улыбочивая Евдокия Панина и смуглая со строгим лицом, повязанная платком по-крестьянски Варвара Козлова.

Смущенные необычным вниманием, они слушали песни, наказы, советы провожающих. И были рады, когда глава делегации Петров, представитель губкома партии, произнес: «Все!»

Под хрипловатый гудок паровоза состав в девятнадцать вагонов тронулся с последней станции. Паровоз для того случая отремонтировали на субботниках

рабочие ставропольского депо и на железном боку его надпись сделали: «Тороплюсь в Москву, не задерживайте; меня ждут дети!».

Бежали колеса, выстукивали ритмы еще звучащих в ушах песен. И песни, и луна, и оголенная степь, казалось еще не остывшая от горячих боев,— все становилось особо значимым от чувств и мыслей, вместившихся в одно: они едут к Ленину! И это волновало. Как и что сказать ему? Петров вез готовый доклад. А если Ленин захочет беседовать со всеми делегатами о том, чего не сказано в докладе?

Лопатин ждал, как экзамена, вопросов политических: о мировой резолюции, о марксистом учении... Эх, не взял «Капитал». Книга эта, переведенная на русский язык дядей Германом, была для него дорогой реликвией. Давно ли мечталось увидеть на ней собственноручную надпись дяди, и тогда Павел, готовясь к встречи с ним, тоже ожидал вопроса: как и что понял из Маркса? Но книга осталась без надписи и нет уже Германа Лопатина. Сломали богатырское здоровье застенки Шлиссельбурга. Осталось лишь у Павла представление, понаслышке, о полуслепом бородатом старике, кто в бурные дни февральской революции появлялся на митингах, питерских баррикадах и демонстрациях. И, когда при звуке выстрелов разбежался народ, старик оказывался без повода беззащитным, но все такой же «безумно смелый», он стоял во весь рост, ожидая пули, как счастья быть сраженным за революцию! Пуля не брала его. Герман Лопатин дожил до Октябрьской победы.

В думах о встрече с Лениным представлялось Павлу, с каким волнением ехал когда-то и дядя Герман в Лондон, к Карлу Марксу. И странно смещалось время: то, казалось, была та встреча с Марксом давным-давно, как легенда, когда еще бродил по Европе лишь призрак коммунизма; то, казалось, совсем недавно...

До Москвы добирались долго. «Не задерживайте, меня ждут дети!» Это

звучало паролем, но и то не везде сразу открывались семафоры, не везде получал паровоз свой топливный «паек». Случалось не раз, останавливались ставропольцы в лесу: рубили, пилили березы, грузили в тендер, искали сушняк на разжег, боясь, как бы не заглохла паровозная топка; то, волнуясь, спешили засветло проскочить подозрительный перегон; то простаивали ночь на станции, лишь бы не угодить с драгоценным грузом под бандитский налет; то мучались ожиданием, когда восстановят разрушенный путь...

В часе спокойной езды, около горячей «буржуйки», ходоки толковали о крестьянском житье-бытье. Везли они свои сомнения и тревоги. Приближаясь к Москве, они тоже стали гадать, о чем их спросит Ленин? Лопатин подсел к ним.

— Об чем расскажем, об том и спросит,— уверенно басил Черкашин.— Мы ж не сами по себе. Ходоки, наказы возьмем! Все расскажем. Верно, Семеныч?

— Ленину только правду. Всю до дна!— отозвался Громаков,

— И про то, как на сходках куркули горланят: безлошадным земли не давать! Видали?—словно новость сообщил Белозеров,

Его перебил Михайлов:

— Усе, как есть! Опять же про разверстку. Усе забирають, дэ ж симена шукать?—И говорил Лопатину.— Слухай наши балачки, та на ус наматуй. Чув, бисовы куркули могут усю землю забрать? А бидняк обратно зубами клацай! Оцэ вам кажуть совецка власть!

Он ругал сельских кооператоров: товаров не дают. Говорил торопливо и сердито. Когда же Лопатин пытался что-либо объяснить, бросал на него, из-под нависших бровей, острый взгляд.

— Та це ж я говорю, нэ куркуль. Оцим людям нэ верь! А це я говорю!

Судили-рядили опять про разруху, про разные хозяйственные неполадки и бестолковщину в сельсоветах; спорили, размышляли о тяготах продразверстки, с которой, казалось им, не избыть голода. Вроде додумались, как делу пособить, и хотелось про то сказать Ленину. Потом

вдруг взяло сомнение: увидят ли? Попадут ли в Кремль? Сколько в Москву каждодневно разного люду наплывает и всяк бы рад повидаться с вождем, да разве мыслимо отрываться ему от государственных дел на разные встречи-беседы?

— Точно. Не увидим.— Подтвердил свое предположение Громаков. — А раз так, давайте-ка напишем Ильичу про то, как думаем лучше сделать, чтоб рабочим хлеб иметь и крестьянам товары без перебою.

Они просили Лопатина написать. А он уже в этих разговорах невольно и сам поддался их убеждению. Согласился. Весь последний день соображал: как выразить мысли ходоков покороче, яснее и доказательней. Получилось что-то вроде тезисов. Крестьянам понравилось, и слово это по вкусу пришлось. Лишь Михайлов пытался настаивать, чтобы добавили к написанному про селедку — ее погноили кооператоры, а людям не дали.

Стучат, стучат колеса... Много перевидала на своем веку эта железная дорога до того, как жизнь перевернулась, но ничего похожего еще не бывало, как теперь, когда новые хозяева начинали строиться: они тянулись упорно и доверчиво к звездам нового бытия, а жизнь, катясь по новым рельсам, ставила перед народом-хозяином все новые вопросы, один другого труднее, каверзней; вопросы, еще никем никогда не решенные....

Через полтора месяца возвращались на Ставрополье ходоки. Чем ближе к дому, тем беспокойнее мысли Лопатина о встрече с народом — затормошат делегатов: что видели? Что сказал Ленин? Какой он? И на все дай ответ.

Но как рассказать Ленина? Разве можно рассказать биение своего сердца? Что бы теперь ни делал Павел — всегда будет чувствовать на себе внимательно-ожидающий взгляд: думай сам, так ли говоришь? Думай сам, так ли поступа-

ешь? И при каждой удаче будет вспоминаться, как одобрение — теплый голос, теплое пожатие руки...

На исходе последняя ночь. Ходоки спят. Лишь Павлу не спится и думается как-то обо всем, точно живет он одновременно прошлым и настоящим. И сдается порой — бегут колеса не вперед, к Ставрополю, а назад. И перебирает память все виденное, слышанное, пережитое — все до мелочей...

Голодающая Москва в веселом кружении снежных хлопьев. Промозглый воздух. Слякоть. Звонки трамваев, усталую, спешащие пешеходы. Сдав поезд, ставропольцы осматривали Красную столицу. Долго стояли у Кремлевской стены, пораженные: на фоне знамен и восходящего солнца стояла она, Свобода, осеняющая пальмовой ветвью могилы павших в борьбе за мир и братство народов.

Мемориальные доски, памятники борцам, великим мыслителям, И об этом позаботился Ленин еще в дни гражданской войны! Под дребезг трамвайных звонков, в суতোлке улиц, попадали делегаты из одной эпохи в другую... Вот и тот, первый прорицатель вольности — Радищев, из крепостного далека увидевший свободную Россию. И теперь, через сто с лишним лет, отлитый в Петербурге, он как бы снова совершил путешествие в Москву — дорогой истории, где не бывало следу.

В первый же день понесли крестьяне в разные учреждения свои тезисы. И везде — люди разных чинов и званий, не сговариваясь, сурово и решительно осуждали их. Лопатину стало не по себе: он понял в чем ошибка записанных им положений: разве мыслимо в такое время, когда еще не заключен мир с Польшей и Врангель грозит наступлением, когда вошел в жизнь военный коммунизм — и в такое-то время вдруг дать частную инициативу в возрождении мелкой кустарной промышленности, а вместо продовольственной разверстки ввести планомерное обложение крестьян налогом. Нет. Немыслимо!

Ходоки смущались от резких слов, но, не вникая в суть,— что тут «пахло эсеровщиной», в чем их «буржуазные устремления» — спорили всяк на свой лад. Наконец, стали просить, чтоб разрешили им повидаться с Лениным. А получив разрешение, уже засомневались: показывать ли в Кремле эти тезисы, чего доброго еще посадят?

Шли по улице молча. Навстречу ватага школьников — худенькие, большеглазые, но шумливые. Повеселели делегаты, ведь для них, первых маленьких граждан, привезли ставропольцы поезд подарков. Будет чем порадовать завтра Ильича!

Вся эта поездка с ее дорожными тяготами и тревогами, с раздумьями и сомнениями останется в памяти лишь одним днем, одним часом, проведенным с Лениным.

Все до мельчайших подробностей запечатлелось навсегда: и ощущение торжественной приподнятости, с какой входили они в Кремль, и как оробели у кабинета. Дверь открыл невысокий, лысый человек; крестьяне, входившие первыми, не сразу узнали в нем Ленина, но располагающая ласковость на утомленном лице, короткое, крепкое пожатие его руки и — ходоки растерянно заулыбались,

Войдя в просторный кабинет, они сели вместе, чуть поодаль, партийные поближе к столу. Но Ленин, как бы отделив взглядом крестьянскую группу, обращался больше к ним. Быстрота его движений, четкость речи — настраивали на деловой, краткий разговор о самом, самом важном. А крестьяне к нему с наивными вопросами: отчего трудно живется? Кто виноват? И когда эти трудности кончатся?

Лопатина смущало сидение в кабинете, где творилась история. Дивился он и терпеливости, с какой отвечал Владимир Ильич. Досадовал на крестьян — не им ли в вагонных беседах было все растолковано? Так нет же, надо еще услышать и от вождя, отнимать у него время!

Петров нашелся — стал читать

доклад о положении в губернии. Ленин слушал с интересом, но вот по лицу его пробежала заметная тень, Дослушав до конца, спросил:

— А что, действительно, вы привезли подарки? — обвел всех внимательным взглядом,— или, быть может, власти поусердствовали и...

— Та ни!

Крестьяне рассмеялись, заговорили наперебой:

— Все жертвовали добродетно!

— Не сомневайтесь, Владимир Ильич!

— Все от души!

Ленин улыбался. Просил передать ставропольским крестьянам благодарность. Говорил о том, что все они должны активно помогать рабочему классу бороться с разрухой, и тогда жизнь наладится.

— Надо понять, что наше благополучие зависит прежде всего от нас же самих!

Беседа стала еще свободнее и неугомонный Михайлов принялся жаловаться на своих сельских кооператоров. Ленин, слушая внимательно, хмурился. Потом начал быстро писать. Михайлов не заметил, как перешел на «ты».

Лопатин радовался — Ленин пишет, значит, это важно. А писал Владимир Ильич вот что:

«Ставропольские крестьяне (привезшие хлеб детям) жалуются, что не дают из кооперативов колесную мазь (есть на складе), спички и другие товары. Селедку погноили, а не выдали.

Недовольство страшное. Губпродкомиссар ссылается на то, что кончите всю разверстку, и только тогда дадим.

Настаивают на необходимости выдавать немедленно. Разверстка 27 мл. п. — чрезмерна, и берут семена. Будет-де обязательно недосев...

Прошу спешно рассмотреть, особенно первый пункт и дать мне отзыв не позже, чем завтра».

Ленин подписался и вызвал секретаря.

— Это пошлите, пожалуйста, в народный комиссариат продовольствия.

Он поднялся из-за стола. Делегаты, почувствовав конец беседы, тоже встали, но уходить никому не хотелось. Ленин выразил надежду, что ставропольцы не отстанут от других и выполнят полностью продразверстку. Пройдясь по кабинету, остановился перед крестьянами, и неожиданно спросил,

— Ну, а советская власть, очень плоха у вас?

Громаков развел руками.

— Да нет, почему же...

— Хорошая! — басил Черкашин.

Владимир Ильич недоверчиво улыбнулся, и стал перечислять разные недостатки в работе сельских советов. Под конец сказал:

— Стройте Советы сами! Партия поможет вам в этом.

Петров начал прощаться. Все последовали его примеру. Но крестьяне, пожав руку Владимира Ильича, и не думали выходить вслед за Петровым. Сбившись у двери, - выжидательно уставились на Лопатина.

Павел, поняв их, растерялся, ведь был же уговор: не давать те несчастные тезисы! Его бросило в жар. Но делать нечего. Чувствуя, как краснеют уши, достал из кармана гимнастерки бумагу.

— Это написано для вас, Владимир Ильич...

Пригласив жестом всех садиться, Ленин начал читать. Лицо его заметно мрачнело. Ходоки тревожно переглядывались. Павел мысленно перечитывал написанное им. И вдруг ужаснулся, словно заглянул в пропасть, куда могли рухнуть великие завоевания революции. И, наверное, Ленин подумает:— все крестьянство Ставрополя живет «буржуазными устремлениями»...

Не отрывая глаз от бумаги, Ленин спросил:

— Кто писал это?

Лопатин рассказал историю тезисов.

Внимательный взгляд на делегатов. Несколько вопросов к ним. И, точно

забыв обо всех, Ленин, потирая пальцами лоб, опять углубился в бумагу. Возможно, и не читал — думал. Напряженная тишина казалась слишком долгой; раздавшийся вдруг бой курантов — слишком громким...

Наконец, Владимир Ильич, не выпуская из рук записки ходоков, поднялся, приблизился к крестьянам, заговорил о тяжелом положении республики Советов. Кончится война, тогда — все силы на хозяйственный фронт. И вот тогда некоторые из этих «положений» будут иметь такое же значение, как теперь кусок металла на фронте с Врангелем. Быстрым шагом Ленин подошел к столу.

— Я передам эту записку в Совет Народных Комиссаров. Здесь виден обеспокоенный хозяин.— Он положил ее в объемистую папку. И, видимо, опять неожиданная мысль завладела им. Сунув руки в карманы брюк, Владимир Ильич засмотрелся в окно. О чем думал он? Возможно, о хлебе, подарках, что жертвовали «доброхотно», но с тайной крестьянской расчетливостью: Ленин взамен обеспечит керосином и спичками, колесной мазью и ситцами; возможно, заглянул и в ту «пропасть», что способна снова породить капитализм; возможно, взвешивал опасность частной инициативы и противостоящий ей революционный дух народа, у которого в руках вся власть.

За окнами тяжелые, клочкастые тучи. Словно сквозь них увидел что-то важное Ленин. И снова оживился.

— Нет, я лучше оставлю записку у себя.— И, взяв ее из папки, добавил.— Придет время она будет рассмотрена на партийном съезде и все ценное,— а некоторые положения, по-видимому, верны — будет проведено в жизнь.

Ошеломленные неожиданным ощущением причастности своей к государственно-важному, крестьяне притихли. И опять не уходили.

Глаза Владимира Ильича сверкнули весельем. Взяв со стола из пачки фотографий одну, он размашисто подписал внизу, на белом поле: «В. Ульянов (Ленин)» и подал, стоявшему

рядом, Громакову. Ходоки тотчас выстроились в затылок. И каждый делегат получил на память портрет вождя с автографом.

Неделю прожили ставропольцы в Москве. Ездили на заводы, фабрики. Нет, не видели они среди рабочего класса лодырей и бездельников. На голодном пайке, но трудились все честно. Убедились делегаты: никого Москва даром не кормит, не желающих трудиться добровольно, отправляют на принудительные работы. Для всех один закон: кто не работает, тот не ест! Повидались делегаты и с Михаилом Ивановичем Калининым. Гостями побывали на сессии ВЦИКа. Выставки, театры... Много впечатлений давала Красная столица, но делегаты жили все тем часом, проведенным в кабинете вождя. То один, то другой вспоминал:

— Вишь, у себя оставил наши тезисы!

— И как догадало нас написать?!

— Сам Ленин признав, оце дило! Чув, на съезди будут рэшать?

— Принял, как отец родной!

— Нашим бы начальникам поучиться у Ленина, как надобно с народом беседовать.

Они возвращались другими — не то, чтобы навек друзьями, может, и не увидятся никогда, но до конца дней каждый будет вспоминать друг друга радостно. Светла их судьба на такой точке земли, где рождалась новая история человечества. И теперь они, как бы несли на себе ореол ленинского имени. Их глазами люди увидят того, кто стал мерилом жизни для миллионов. Их слова будут началом легенды.

Тарахтит на стыках рельсов доживающая свой век теплушка: то замедлит бег, то дернется в сторону и, словно, ударившись о ночную мглу, быстрее катится вперед. Под головой Лопатина плоский чемоданчик, на дне его портрет. Дома Павел выпилит рамку, повесит заветный портрет над своей кроватью. Ленин...

И снова перед глазами кремлев-

ский кабинет. Клочкостое небо. И человек. За спиной его голодная Россия, военный фронт. А впереди все будущее, лишь ему одному ясно видимое... В обыденных заботах он велик своей простотой. Его крепкая, широкая рука вселенского пахаря, посеявшего зерна революции, дружески пожимала заскорузлую крестьянскую руку, и ум гения впитывал народную мудрость, чтобы укрепить союз серпа и молота навечно!

Как рассказать Ленина? Как понять эту ленинскую способность в малом зерне разглядеть будущее? Эту манеру — ставить на одну доску с собой простого смертного — и тот в своем маленьком деле почувствует государственную значимость.

В щели теплушки пробивается рассвет. Свистит степной ветер.

«Наше благополучие зависит от нас же самих!» Пронести надо эту мысль. И опять волнение: скажешь, а тебе сразу вопрос — «Как дальше-то жизнь пойдет?» А ты, что, пророк?

Разве мог тогда знать Лопатин, что всего лишь через пять месяцев, на десятом съезде партии, родится решение о новой экономической политике и продовольственная разверстка, действительно, будет заменена продналогом? Разве мог вообразить себе, как в его родном Ставрополе появятся кустари, арендаторы, оживет опять торговая шушера? Разве мог поначалу не мытариться сомнениями, когда пижон, одноклассник по гимназии, будет в глаза смеяться ему, «идейному» оборванцу?

Нет, не мог Павел Лопатин знать и того, как знал это Ленин, что «из России неповской—будет Россия социалистическая!» Но зато, безгранично веря ленинскому слову, он тогда поймет: только в каждодневной борьбе за идеи партии, убеждающим, правдивым словом, всем делом жизни своей — можно рассказать Ленина...